

МИРНЫЕ МАНЕВРЫ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

(Статья четвертая)¹⁾.

VII.

Почему упускаются изъ виду основныя тактическія упражненія.

Двусторонніе маневры считаются вѣнцомъ всей военной и боевой подготовки войскъ. Это, дѣйствительно, самыя сложныя и самыя высшія изъ мирно-военныхъ упражненій. Мы сказали: «самыя высшія», но не скажемъ «самыя основныя», а слѣдовательно и «самыя надежныя».

Въ настоящемъ изслѣдованіи указаны уже слабыя стороны мирныхъ двустороннихъ маневровъ. Важно въ особенности то, что они, по причинѣ полнаго отсутствія опасности, никакъ не могутъ воспроизвести, хотя бы приблизительно, вѣрной картины настоящаго боя. А гдѣ нѣтъ боя, тамъ нѣтъ войны. Если взглянуть на двусторонніе маневры, отрѣшившись отъ вкоренившагося воззрѣнія, будто они составляютъ средство «обученія» войскъ, то не трудно замѣтить, что двусторонній маневръ есть не столько «учебное», болѣе сложное упражненіе, сколько своего рода экзамень. Къ экзамену же всякій долженъ явиться уже основательно подготовленнымъ. Слѣдовательно, основаніе всего дѣла подготовки войскъ къ войнѣ и бою лежитъ вовсе не въ двустороннихъ маневрахъ, а въ чемъ-то другомъ; въ чемъ именно, укажемъ послѣ. Неудивительно, что при преобладаніи въ системѣ обученія войскъ двустороннихъ маневровъ, въ особенности крупныхъ, встрѣчаются изъ года въ годъ все тѣ же ошибки и тѣ же промахи. Съ другой стороны, эти хроническіе, такъ сказать, промахи и ошибки вовсе не доказываютъ, что исполнители неспособны или что требованія отъ нихъ преувече-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1893 г., № 12-в.
Т. ССХVII.—Отд. I.

личены. Отнюдь нѣтъ, они просто подтверждаютъ, что вся система обученія идетъ по ложному пути. Засимъ, благодаря чуждымъ дѣйствительной войнѣ условностямъ мирныхъ маневровъ, въ особенности условностямъ при изображеніи боя, исполнители то и дѣло получаютъ болѣе или менѣе заслуженныя замѣчанія. Мы говоримъ заслуженныя «болѣе или менѣе» или, говоря яснѣе, часто незаслуженныя. Происходитъ же это по той причинѣ, что извѣстная условность въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть иначе понята руководителемъ или вообще старшимъ, а иначе исполнителемъ. Но вѣдь настоящая суть дѣла вовсе не въ этихъ мирно-маневренныхъ условностяхъ, а въ изображеніи военной дѣйствительности, которая за ними скрывается. Во всякомъ случаѣ, «замѣчанія», въ особенности въ мотивахъ своихъ часто противорѣчивыя (все тоже влияніе мирныхъ условностей), лишаютъ исполнителя бодрости и увѣренности; онъ перестаетъ быть самимъ собой, старается только «угодить» и, конечно, неудачно. Засимъ слѣдуютъ новыя замѣчанія съ тѣми же послѣдствіями, и такъ далѣе, до отрезвленія въ ближайшей войнѣ...

Понятно, что мало надеженъ методъ обученія, состоящій преимущественно изъ экзаменовъ, а зачастую даже изъ «публичныхъ актовъ». А если это такъ, то едва-ли можно признать рациональною такую систему обученія войскъ, которая придаетъ главное значеніе двустороннимъ маневрамъ или вообще упражненіямъ болѣе сложнымъ или крупнымъ, которая занимается ими предпочтительно, игнорируя и упуская предварительное детальное обученіе основныхъ тактическихъ частей войскъ: роты, баталіона, эскадрона и батареи, — систему, вообще, упускающую основныя учебныя упражненія. Конечно, такой системы никто держаться не хочетъ, и никто сознательно ея не придерживается, однако, въ силу независящихъ обстоятельствъ, она является сама собой, какъ о томъ сказано будетъ ниже.

Въ настоящее время никто уже не сомнѣвается, что, напримѣръ, вся суть обученія стрѣльбѣ данной части состоитъ въ единичномъ обученіи каждаго человѣка, «основаніе» же всего составляютъ «приготовительныя» къ стрѣльбѣ упражненія. Никому и въ голову не придетъ «обучать» прикладкѣ во время практической стрѣльбы боевыми патронами, а тѣмъ менѣе во время маневрированія съ боевою стрѣльбою. Прикладкѣ и прицѣлкѣ учатъ особо, предварительно. Если никто не станетъ основывать обученіе прикладкѣ на боевой стрѣльбѣ, равно какъ и уставныя перестроенія роты или эска-

дрона на тактическихъ ученьяхъ (а обучаютъ всему этому особо и предварительно), то и двустороннимъ маневрамъ долженъ предшествовать, какъ уже сказано, цѣлый рядъ менѣе сложныхъ основныхъ упражненій, изъ коихъ инныя, существенно нужныя въ видахъ войны, даже непримѣнимы на двустороннихъ маневрахъ.

Мы назвали двусторонній маневръ экзаменомъ, но и эту роль исполняетъ онъ далеко не исправно, ибо цѣлыя важныя отдѣлы обученія ускользаютъ въ немъ отъ проверки. Кто, напримѣръ, видѣлъ во время маневровъ настоящую оборону мызъ, дворовъ, деревень, съ настоящимъ занятіемъ и приспособленіемъ къ оборонѣ домовъ и строеній, и часто-ли въ это время дѣлается, хотя примѣрно, надлежащій расчетъ съ соответственными поясненіями? Смѣю думать, что не часто. А между тѣмъ, бой за мѣстные предметы вообще и теперь не только сохранилъ свое прежнее значеніе, но даже значеніе это много увеличилось, благодаря мѣткости и скорострѣльности новаго оружія, благодаря даже бездымности, потому что трудно судить, откуда именно стрѣляютъ; ориентируются тутъ не скоро; а такъ какъ принятіе соответствующихъ мѣръ требуетъ времени, то мѣры эти легко запаздываютъ.

Войска, которыя въ мирное время не упражнялись въ оборонѣ и въ атакѣ мѣстныхъ предметовъ, будутъ чуждаться ихъ и въ дѣйствительномъ сраженіи; и засимъ они, конечно, останутся въ потерѣ противъ болѣе опытнаго, лучше подготовленнаго противника. Не всегда же случится такъ, чтобы обѣ стороны тщательно сторонились отъ жилыхъ пунктовъ, какъ это случалось въ Нѣмецко-Датскую войну (1849—1850 гг.), о чемъ, сколько помнится, говорить Рюстовъ. Примѣръ этотъ, между прочимъ, подтверждаетъ извѣстную истину, что войска мирныя свои привычки всецѣло вносятъ въ войну.

Приведеннаго выше, кажется, достаточно, чтобы доказать, что основаніе тактическаго обученія войскъ вовсе не лежитъ въ двустороннихъ маневрахъ и что послѣдніе даже неполный экзамень. Съ другой стороны, нельзя не признать, что двусторонніе маневры не только не «учатъ» ничему новому, но, напротивъ того, вводить участниковъ въ искушеніе пренебрегать многимъ существеннымъ, уже ранѣе болѣе или менѣе усвоеннымъ. Если же предварительное обученіе не было достаточно тщательно и основательно, если требованія его не вошли въ плоть и кровь всѣхъ и каждаго, то двусторонніе маневры въ сущности только утверждаютъ войска въ дурныхъ привычкахъ. Такимъ образомъ, преобладаніе двусто-

ронныхъ маневровъ въ ущербъ основному детальному обученію не только не полезно, но можетъ сдѣлаться даже положительно вреднымъ.

Для того, чтобы пояснить высказанное выше, поставимъ себѣ вопросъ: какаѣ конечная цѣль каждаго даннаго двусторонняго маневра? Отвѣтъ будетъ, конечно, — «подготовить войска къ войнѣ и бою». Въ общемъ это совершенно вѣрно или, по меньшей мѣрѣ, желательно, но въ частности, т. е. въ каждомъ данномъ маневрѣ, не совсѣмъ такъ, по крайней мѣрѣ, для исполнителей маневра.

Исполнители и участники въ каждомъ данномъ маневрѣ ближе всего заинтересованы въ томъ, чтобы удовлетворить поставленной общей задачѣ, т. е., въ большинствѣ случаевъ, такъ или иначе одержать верхъ надъ противникомъ или, вообще, исполнить свою частную задачу. Засимъ становится совершенно понятнымъ, что передъ этимъ главнымъ все остальное отходитъ, по меньшей мѣрѣ, на второй планъ, а то и совсѣмъ упускается. Напримѣръ, надлежащее примѣненіе къ мѣстности, въ особенности во время передвиженія (въ виду отсутствія дѣйствительной опасности), зачастую исполняется очень небрежно. За то часты штыки бѣлыми пятами затѣи къ охватамъ и обходамъ съ немислимыми въ дѣйствительномъ бою фланговыми подъ огнемъ передвиженіями, затѣи вообще — крайнее пренебреженіе огнемъ противника и т. п. А между тѣмъ безобразныя эти, съ точки зрѣнія обученія войскъ, явленія, при неудовлетворительномъ уровнѣ начальнаго обученія войскъ, приходится признавать не только неизбежными, но даже въ извѣстной мѣрѣ и позволительными, какъ соответствующія настоящему военному духу, по нижеизложеннымъ причинамъ.

Разъ поставивъ себѣ цѣль на войнѣ, надо стремиться къ ней съ полною энергіей, всѣми силами, отбросивъ въ сторону всякія второстепенныя мелочныя соображенія. А если при мирномъ маневрѣ главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы одержать верхъ надъ противникомъ, то къ достиженію ея должны быть обращены всѣ помыслы и всѣ усилія. Если же допустимъ, что любой офицеръ, дѣйствительно, всецѣло поглощенъ заботами объ исполненіи задуманнаго общаго маневра или данной ему частной задачи, то не станеть же онъ въ самомъ дѣлѣ хлопотать о примѣненіи къ мѣстности, потому что при данной дѣйствительной обстановкѣ мирнаго маневра примѣненіе къ мѣстности (въ видахъ, напримѣръ, укрытія отъ огня противника) ничѣмъ реальнымъ не вызывается, благо нѣтъ пуль и гранатъ. Припомнимъ кстати, что подобныя мирно-военныя услов-

ности, ничѣмъ видимымъ не вызываемыя, менѣе всего по душѣ трезвому положительному русскому уму. Конечно, дѣло примѣненія къ мѣстности въ обученіи войскъ имѣеть первенствующее значеніе, но осозательно ощущается это только въ военной дѣйствительности, при мирномъ же обученіи обращается въ какую-то условную обрядность, часто упускаемую, если оно не вошло въ плоть и кровь исполнителей маневра.

Стоящіе на формальной точкѣ зрѣнія могутъ возразить на сказанное, что такъ или иначе, а войска и на маневрахъ «обязаны» примѣняться къ мѣстности вполне правильно, и что на то имѣются надлежащія инструкціи, приказы, напоминанія и проч. Конечно, все это есть, но, на бѣду, живое дѣло творить не бумага, а творять его люди. Основныя свойства человѣка и дѣйствительная обстановка, въ которой ему приходится служить и дѣйствовать, вліяютъ на каждаго въ тысячу разъ сильнѣе, нежели любая бумага. До тѣхъ поръ, пока примѣненіе къ мѣстности и вообще умѣніе пользоваться ею, какъ сказано, не войдетъ въ плоть и кровь всякаго, какъ результатъ рационально веденныхъ основныхъ тактическихъ упражненій, до тѣхъ поръ все писанное объ этомъ будетъ мертвою буквой, самое же дѣло такъ и останется легко упускаемою обрядностью.

Понятно, что о чуждыхъ военной дѣйствительности мирно-маневренныхъ обрядностяхъ забываютъ именно въ тѣ минуты, когда участники маневра всецѣло входятъ въ роль, когда они болѣе всего воодушевляются мирно-маневренною борьбою. Но объ условностяхъ или обрядностяхъ этихъ напоминать имъ при «разборѣ». Но многоли отъ этого проку? Слѣдующій разъ, обыкновенно, тѣ же ошибки и тотъ же разность.

Однако, разность, даже самый основательный, хотя бы въ формѣ болѣе или менѣе правильной критики, можно признать лишь печальною необходимостью, но никакъ не самостоятельнымъ педагогическимъ приемомъ. Наконецъ, нельзя отрицать, что экзаменъ одно, а основательное, детальное обученіе — другое, и что первый другаго не замѣнитъ. Экзаменовать не значить учить, а чѣмъ больше экзаменовъ, тѣмъ меньше времени для настоящаго основательнаго обученія. Все это, конечно, просто и ясно, никто оспаривать этого не станеть, а если на дѣлѣ случается противное, то является оно, какъ уже сказано, само собой, по силѣ независящихъ обстоятельствъ, противъ воли и убѣжденій. Пойщемъ причины.

Обязательныя у насъ инструкціи для веденія занятій даютъ широкій просторъ для предварительной подготовки основныхъ частей

войскъ и, повидимому, на ней основываютъ все дѣло. Однако, къ сожалѣнію, благія предначертанія инструкцій на дѣлѣ мало исполнимы, по крайней мѣрѣ, для значительной части нашей арміи. Большинство нашихъ дѣйствующихъ войскъ расположено въ западной и южной части государства, въ странахъ очень культурныхъ, гдѣ земля тщательно и отлично обработана и вполне эксплуатируется. Во всякомъ случаѣ, землей дорожатъ и пустовать ей не даютъ. Такимъ образомъ, войска большую часть періода тактического обученія ограничены «своими» только полями, у кого они есть. Но поля эти въ постоянномъ и временномъ пользованіи войскъ далеко не у всѣхъ имѣются, да притомъ, главнымъ образомъ, служатъ какъ стрѣльбища. Пустопорожнія пространства на частныхъ земляхъ являются или въ видѣ исключенія, или только по временамъ, послѣ уборки посѣвовъ. А между тѣмъ, если возьмемъ для примѣра требованія инструкцій для веденія занятій въ пѣхотѣ, то увидимъ, что для удовлетворенія имъ необходимы еще въ періодъ до начала уборки посѣвовъ такія, относительно, большія пространства, коихъ въ распоряженіи войскъ никогда не бываетъ, развѣ у находящихся въ исключительно благопріятной обстановкѣ. Огромное же большинство войскъ для выигранія кой-какого простора должно выжидать уборки полей. Этотъ просторъ, и то лишь относительный, является, напримѣръ, для войскъ Варшавскаго округа въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. во время общихъ сборовъ. Между тѣмъ, инструкція вполне справедливо опредѣляетъ въ теченіе трехъ предшествующихъ мѣсяцевъ (май, июнь и июль) цѣлый рядъ болѣе или менѣе обширныхъ тактическихъ упражненій, требующихъ сравнительно большихъ учебныхъ пространствъ.

Тактическое одностороннее ученіе даже одной роты при нынѣшней дальности оружія, для того, чтобы быть осмысленнымъ, требуетъ участка мѣстности до двухъ верстъ въ глубину при соответствующей ширинѣ. Не малое пространство займетъ рота при упражненіи въ сторожевой службѣ, а между тѣмъ, тѣхъ и другихъ упражненій полагается около 15-ти на каждую роту, въ теченіе какихъ-либо 30-ти учебныхъ дней, а вѣдь ротъ въ полку 16; куда онѣ дѣнутся, если главное, а часто и единственное, учебное мѣсто — стрѣльбище — съ утра до ночи занято по прямому своему назначенію. То же самое увидимъ и въ періодъ баталіонныхъ занятій. Куда дѣнутся четыре баталіона полка со своими двусторонними сторожевыми упражненіями или двусторонними ученіями, при условіи вполне справедливаго требова-

нія инструкцій, чтобы части баталіона разводились для этого версты на 3—4. Полкъ же для общихъ полковыхъ занятій требуетъ еще болѣе мѣста.

Постоянные лагеря пѣхотныхъ дивизій, въ которые части ихъ могутъ собираться зарапѣ (на періодъ ротныхъ, баталіонныхъ и полковыхъ занятій), обладаютъ обыкновенно большимъ просторомъ, но за то и число участвующихъ въ занятіяхъ войскъ увеличивается вчетверо. Тѣ же приблизительно затрудненія встрѣчаютъ и предварительныя частныя занятія кавалеріи и артилеріи, въ особенности первой, обязанной въ четыре недѣли произвести по-эскадронно двадцать занятій. А вѣдь въ полку шесть эскадроновъ; что же послѣ этого сказать о тактическихъ занятіяхъ кавалерійскаго полка?

Истинная преданность дѣлу сдѣлаетъ, конечно, устранить многія препятствія и сдѣлать все возможное въ данныхъ тѣсныхъ предѣлахъ. Но дѣло въ томъ, что это «возможное» будетъ все-таки очень недостаточно для настоящаго дѣла и, во всякомъ случаѣ, останется далеко отъ того, что имѣютъ въ виду «инструкціи».

Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, остается окончательно бросить мысль о какой-то обязательной педантической «постепенности» годовыхъ тактическихъ занятій войскъ. Въ своемъ мѣстѣ указано было, что благоустроенная часть войскъ никогда «не учится вновь»; она только повторяетъ и совершенствуется. Учатся же дѣйствительно вновь только молодые солдаты, да отчасти молодые офицеры и унтеръ-офицеры. Конечно, очень желательно младшимъ контингентамъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, предоставить возможность вполне основательныхъ приготовительныхъ упражненій еще до общихъ сборовъ, т. е. до періода болѣе сложныхъ занятій. Но если это, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ далеко недостижимо, то по необходимости надо принять другія мѣры, и коль скоро детальная подготовка не можетъ быть закончена до общихъ сборовъ, то надо пополнить ее по окончаніи послѣднихъ.

Необходимо разъ навсегда отречься отъ мысли, что любая часть войска съ окончаніемъ общихъ сборовъ все уже сдѣлала, что она вправѣ, такъ сказать, закончить свои счеты военнаго года и ограничиться, такъ называемыми, «систематическими зимними занятіями», то есть, въ сущности, перестать существовать въ смыслѣ цѣльной органической боевой части. Каждая часть войска благоустроенной арміи никогда не перестаетъ быть «сама собой», она всегда и во всякое время представляетъ живой и цѣльный военный орга-

низмъ. Если организмъ этотъ, хотя бы послѣ окончанія общихъ сборовъ, чувствуетъ въ себѣ потребность усовершенствоваться въ детальномъ обученіи, то онъ долженъ немедленно взяться за дѣло и приступить къ надлежащимъ упражненіямъ. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ они могутъ быть исполнены, причемъ, прежде всего, конечно, идетъ вопросъ о свободныхъ учебныхъ поляхъ.

По окончаніи общихъ сборовъ въ западныхъ и южныхъ военныхъ округахъ, поля, предназначенныя на озимь, будутъ всѣ засѣяны, но за то освободятся поля изъ-подъ яровыхъ. Такимъ образомъ, свободныя пространства въ суммѣ не только не уменьшаются, но, пожалуй, увеличиваются, сравнительно съ періодомъ общихъ сборовъ. Съ наступленіемъ же морозовъ, въ особенности при снѣгѣ, всѣ пространства дѣлаются доступными. Въ этомъ смыслѣ начало зимы можно считать періодомъ для полевыхъ занятій весьма благоприятнымъ. Да и вообще зимнія занятія весьма полезны сами по себѣ и, начавшись просто строевыми прогулками, вполне цѣлесообразно получаютъ все большее и большее развитіе, въ смыслѣ тактической подготовки войскъ. Вопросъ о специально «зимнихъ» занятіяхъ, самъ по себѣ весьма важный, достоинъ особаго изслѣдованія. Но, ограничиваясь предѣлами поставленной задачи, укажемъ мимоходомъ на то, что въ настоящее время война не ведется только лѣтомъ. Напротивъ, уже въ Наполеоновскую эпоху война 1806 года затянулась на зиму; точно также велась частью зимой война 1812 года, Польская кампанія 1830 года и Крымская, не говоря уже о послѣднихъ войнахъ Франко-Германской и нашей Турецкой. Поэтому, выдержанныя въ извѣстныхъ предѣлахъ зимнія тактическія занятія войскъ чрезвычайно важны и полезны сами по себѣ, приучая войска къ особенностямъ зимнихъ дѣйствій, развивая въ нихъ умѣніе и находчивость въ изысканіи соответственныхъ мѣръ и способовъ и, наконецъ, обращая, путемъ опыта, вниманіе на недостающія частности снабженія, необходимость въ копѣхъ, на случай дѣйствительной зимней кампаніи, рельефно выясняется именно во время этихъ занятій.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, скажемъ еще слѣдующее. Зимняя кампанія потребуетъ, конечно, особаго снабженія войскъ, а потому нынѣшнія мирныя зимнія упражненія, за отсутствіемъ такого снабженія, по необходимости ограничиваются весьма скромными размѣрами, иначе они вмѣсто упражненія и приученія рискуютъ перешагнуть черезъ грань, за которой, при неблагоприятной обстановкѣ, начинается уже ничѣмъ въ мирное время не-

оправданное «расходование живого военного матеріала», который до дѣйствительной военной потребности надо тщательно копить и совершенствовать, а никакъ не портить и обезцѣнивать.

Во всякомъ случаѣ важно то, что значительная часть нашихъ войскъ, какъ доказано выше, не имѣетъ средствъ для предварительной надежной тактической подготовки основныхъ тактическихъ единицъ; далѣе, что подготовку эту придется перенести на время послѣ общихъ сборовъ и, наконецъ, что насколько вопросъ идетъ о свободныхъ для упражненій пространствахъ, онъ рѣшается довольно удовлетворительно, такъ какъ время осеннее и начало зимы представляютъ имъ достаточный просторъ. Нужно только немного доброй воли и умѣнія.

Высказанное тутъ отноду не ново. Жизненный опытъ войскъ давнымъ давно довелъ не только до тѣхъ же выводовъ, но и провелъ ихъ въ дѣло.

Въ одномъ изъ нашихъ западныхъ округовъ октябрь мѣсяцъ, въ прежнее время, изъ года въ годъ посвящался «малымъ маневрамъ», и болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ, а именно, въ 1873 году, даны были для веденія ихъ особыя обстоятельныя «указанія». Осеннія занятія того же 1873 года, произведенныя на основаніи данныхъ указаній, подверглись обширной и тщательной провѣркѣ какъ на мѣстѣ, во время занятій, такъ и по отчетамъ.

Результаты провѣрки объявлены были въ особомъ приказѣ, предшествовавшемъ осеннимъ занятіямъ слѣдующаго 1874 года. Въ означенномъ приказѣ выражено прямо и ясно и подчеркнуто слѣдующее: «осеннія занятія войскъ должны имѣть, прежде всего, цѣлью подробную, дѣльную боевую и вообще военную подготовку роты, эскадрона и артиллерійскаго взвода. Безъ подобной основательной подготовки, всякія дальнѣйшія болѣе обширныя занятія будутъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же ошибокъ, приобретающихъ, такимъ образомъ, права укоренившагося вреднаго обычая». То же самое настойчиво повторялось, требовалось и проводилось въ дѣло и въ слѣдующіе за тѣмъ годы.

Осеннія занятія вполнѣ прекратились, быть можетъ, подъ влияніемъ появившихся между тѣмъ общеобязательныхъ для всѣхъ войскъ «Инструкцій», которыя, какъ общія, могли и не имѣть въ виду всѣхъ частныхъ условій разныхъ округовъ, и весьма рационально стремились къ тому, чтобы детальныя и основныя занятія въ частныхъ сборахъ предшествовали общимъ.

Мы видѣли, что благія предначертанія Инструкцій далеко не

вездѣ исполнимы, и пришли къ тѣмъ же выводамъ, которые жизненный опытъ давнымъ давно проводилъ уже въ дѣло, къ сожалѣнію, прерванное. Такимъ образомъ, и тутъ подтвердилось, что «ново развѣ то, что хорошо забыто».

VIII.

Примѣненіе къ мѣстности.

Указано было, что значительная часть нашей арміи, не имѣя въ постоянномъ распоряженіи своемъ соответственныхъ учебныхъ полей, лишена средствъ для основныхъ тактическихъ упражненій въ періоды, предшествующіе общимъ сборамъ. Засимъ упражненія эти волей неволей слѣдуетъ перенести на время послѣ сборовъ. Перейдемъ къ вопросу, въ чемъ именно должны состоять сказанныя основныя упражненія?

Двусторонніе маневры, какъ уже не разъ указано, суть упражненія самыя сложныя, притомъ они въ сущности—экзамены. Подготовка къ нимъ, слѣдовательно, должна состоять изъ упражненій возможно расчлененныхъ, т. е. самыхъ простыхъ.

Для участія въ двустороннихъ маневрахъ вполнѣ основательно стараются притянуть войскъ возможно больше, до цѣлыхъ корпусовъ и даже болѣе, дабы приучить къ массовымъ дѣйствіямъ. Основныя упражненія, напротивъ того, должны прежде всего имѣть въ виду меньшія тактическія единицы: роты, баталіоны, эскадроны и батареи. Причина такого именно, а не иного порядка упражненій (начиная съ мелкихъ основныхъ тактическихъ частей) вполнѣ понятна.

Мелкую тактическую единицу въ составѣ крупной части можно уподобить поставленному въ строй одиночному человѣку. Долженъ же этотъ человѣкъ заранѣе усвоить себѣ надлежащее одиночное образованіе; то же самое требуется и отъ всякой основной мелкой тактической единицы. Разница та, что, попавшій на службу единственный человѣкъ, молодой солдатъ всему «учится вновь»; тактическая же единица въ общемъ въ сущности только повторяетъ прежде уже извѣстное и въ ббльшей или меньшей степени усвоенное. Но и она, въ виду прилива молодыхъ солдатъ и молодыхъ начальниковъ, не обходится безъ особыхъ начальныхъ упражненій. Мы видѣли, что упражненія эти далеко не всегда и не вездѣ могутъ быть произведены и закончены до общихъ сборовъ, а потому должны быть до-

полняемы по ихъ окончаніи съ тѣмъ же, чтобы какъ тѣ, такъ и другія упражненія, въ суммѣ взятая, дали мелкимъ частямъ основательную тактическую подготовку. А такъ какъ искусное пользованіе условіями мѣстности составляетъ необходимую принадлежность всякаго толковаго тактическаго упражненія, то начнемъ съ вопроса о такъ называемомъ «примѣненіи къ мѣстности».

На двустороннихъ маневрахъ, какъ уже указано, легко упускается настоящее «примѣненіе къ мѣстности», въ особенности, если оно до того не сдѣлалось природной, такъ сказать, потребностью войскъ. А потому тщательное обученіе войскъ въ этомъ отношеніи составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ ихъ основной тактической подготовки. Но что такое «примѣненіе къ мѣстности?»

Примѣненіе къ мѣстности въ обширномъ смыслѣ будетъ соображеніе дѣйствій войскъ съ общими и частными условіями территоріи, на которой приходится имъ дѣйствовать въ каждое данное время. Въ этомъ смыслѣ «примѣненіе къ мѣстности» включаетъ чуть ли не всю тактику, такъ какъ войска всегда же находятся на какой-либо мѣстности и на ней дѣйствуютъ; тактику же они должны усвоить вполнѣ основательно.

Подъ выраженіемъ «примѣненіе къ мѣстности», въ тѣсномъ смыслѣ, подразумѣваютъ обыкновенно просто пользованіе ея свойствами для укрытія себя отъ огня противника. Однако, понятое въ этомъ узкомъ смыслѣ примѣненіе къ мѣстности въ дѣйствительномъ бою присуще самой природѣ человѣка, какъ продуктъ врожденнаго всякому чувства самосохраненія. Но надлежащему образованію и воспитанію войскъ приходится бороться съ этимъ чувствомъ. Его необходимо, по возможности, подавлять, а отнюдь не развивать или хотя бы только поощрять. Напротивъ того, правильное воспитаніе войскъ должно въ высшей степени развивать въ войскахъ стремленіе впередъ, такъ сказать, тяготеніе къ непріятелю.

Въ иностранныхъ арміяхъ уже слышались порицанія излишняго мелочнаго пользованія мѣстностью (*Terrain Ausnutzung*) во вредъ стремленію впередъ. Съ другой стороны, въ мирное время нѣтъ никакихъ побудительныхъ причинъ для природнаго или инстинктивнаго пользованія мѣстностью и вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ препятствій для вполнѣ успѣшнаго стремленія впередъ. Казалось бы за симъ, что остается только, напримѣръ, при атакѣ приучить войска наступать стройно и стремительно. Но подобный методъ воспитанія не приведетъ къ желаннымъ результатамъ.

Рациональное примѣненіе дѣйствій войскъ къ мѣстности надо понимать не только въ смыслѣ укрытія для предохраненія отъ огня противника, т. е. дѣйствія пассивнаго, но и для дѣйствія вполне активнаго, а именно, пользованія условіями мѣстности для лучшаго пораженія противника своимъ огнемъ, а также и для скрытаго подхода въ видахъ внезапнаго усиленнаго удара. Относится это одинаково къ атакѣ, такъ и къ активной, т. е. единственно надежной, оборонѣ.

Если войска, воспитанныя только въ духѣ стремленія впередъ, не приучены вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться мѣстностью въ указанномъ разумномъ смыслѣ, то они въ боевой практикѣ подвергнутся разрушительному дѣйствию оружія противника, не умѣя надлежаще воспользоваться своимъ огнемъ и наносить рѣшительные удары. Это неравенство въ борьбѣ выразится скоро такими неравными значительными потерями, которыя въ состояніи поколебать и лучшія войска, и тогда «природное» примѣненіе къ мѣстности, вполне пассивное, проявится подчасъ въ видѣ непреодолимой стихійной силы энерціи на мѣстѣ или же обратнаго стремленія — подальше отъ противника.

Итакъ, нужно работать съ цѣлью, чтобы надлежащимъ нравственнымъ воспитаніемъ до высшаго предѣла развить въ войскахъ стремленіе впередъ къ непріятелю и одновременно рациональнымъ веденіемъ упражненій приучить къ надлежащему пользованію мѣстностью въ обширномъ значеніи этого выраженія. Только гармоничное сочетаніе обоихъ этихъ условій поставитъ дѣло на надлежащую почву.

Примѣненіе къ мѣстности въ мирное время, за отсутствіемъ дѣйствительной опасности, приходится прививать искусственно. Соединено это съ немалыми затрудненіями. Приходится вводить въ упражненія несуществующія условія, заставляя людей укрываться отъ пуль несуществующихъ, т. е. творить нѣчто въ сущности, въ данное время, ничѣмъ реальнымъ невызываемое, чуть ли не бессмысленное. Работа будетъ тутъ подневольная, а успѣхъ медленный. Но чѣмъ труднѣе дается это дѣло, тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе должны быть требованія. Вѣдь и прицѣлка безъ выстрѣла (при подготовкѣ къ стрѣльбѣ) сама по себѣ неосмысленна, а между тѣмъ она приобрѣла себѣ право гражданства; требуютъ и производства ея съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея необходимости. Понятно, что упражняющійся долженъ недостающее дополнить своимъ воображеніемъ. Но реальное дѣло войны требуетъ развитія наблюдательности въ пре-

дѣлахъ дѣйствительности, а никакъ не развитія воображенія, въ особенности у младшихъ исполнителей. А потому всякая «видимость», уменьшающая напряженіе воображенія, будетъ весьма желательна. Какая либо мишень, а еще лучше фигура въ полный ростъ, въ надлежащемъ разстояніи облегчитъ упражненія въ прикладкѣ и прицѣлкѣ, придавая имъ болѣе сходства съ дѣйствительностью. Нѣчто подобное слѣдуетъ ввести и при упражненіяхъ въ пользованіи мѣстностью.

Если затруднительно внушить солдату необходимость укрываться отъ несуществующихъ пуль и гранатъ, то можно видоизмѣнить задачу. Заставьте какую-либо команду снять постъ противной стороны, и вы увидите, какъ сонные до того въ дѣлѣ «примѣненія» люди вдругъ преобразятся; съ какой, можно сказать, любовью станутъ они изыскивать и пользоваться любой складкой почвы или кустарниками.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ пѣхоты и кавалеріи успѣшно испытывается слѣдующій способъ, аналогичный выше приведенному примѣру. Обучающій становится на какомъ либо подходящемъ мѣстѣ, приказавъ одиночно разставленнымъ вдали людямъ или небольшимъ командамъ подходить къ себѣ возможно скрытно. Цѣль та, чтобы приучить людей вообще понимать мѣстность, быстро оцѣнивать ея свойства и даже по видимой ея части угадывать невидимую. Последнее не такъ трудно, какъ бы казалось; оно просто продуктъ вниманія и навыка, хотя, конечно, доступно только офицерамъ.

Вся поверхность земли, на сколько она не скалиста, нивелирована водой, дѣйствовавшей въ теченіе тысячелѣтій; состоитъ она изъ системы рѣчныхъ бассейновъ и ихъ водораздѣловъ. Въ свою очередь, каждый рѣчной бассейнъ представляетъ съ виду весьма сложную запутанную систему реберъ и ложбинъ, которыя, однако, въ сущности, представляютъ нѣчто гармоническое, цѣльное и осмысленное, такъ какъ склоны этого видимаго хаоса реберъ и ложбинъ плодъ одной и той же нивелирующей силы, воды, которая съ верху стремится къ одной единственной самой низшей точкѣ всего рѣчнаго бассейна. Конечно, встрѣчаются изрѣдка и безвыходныя котловины, но и склоны этихъ котловинъ подчиняются одному и тому же закону нивелировки.

Понятно, что рельефы мѣстности не вездѣ очерчены одинаково выпукло и рѣзко, между тѣмъ какъ для военныхъ цѣлей они должны быть способны скрывать войска на мѣстѣ и въ движеніи. Но подобныя неровности встрѣчаются и на мѣстностяхъ съ виду довольно

гладкихъ. Надо только умѣть ихъ различить и пользоваться ими. Все это, какъ уже замѣчено, дѣло вниманія и навыка.

Понятно, что только офицеры, хотя бы по причинѣ болѣе продолжительной службы, могутъ обладать способностью распознавать мѣстность и угадывать ее въ степени, доведенной до высоты искусства. Старослуживые же нижніе чины по меньшей мѣрѣ должны вынести какую-либо хотя бы эмпирическую въ этомъ отношеніи опытность. Однако и любой нижній чинъ долженъ, по меньшей мѣрѣ, понимать, для чего собственно требуется отъ него примѣненіе къ мѣстности. А разъ онъ увидитъ понятное ему дѣло, то толковое исполненіе является само собой. Тогда солдатъ перестаетъ быть инертной массой, двигаемой съ мѣста и подталкиваемой единственно чужой силой болѣе или менѣе толково, а подъ часть и безъ толку.

Давнымъ давно признано и рѣшено, что солдатъ надо вообще учить бесѣдой и показомъ; одно дополняетъ другое. Такой же «показъ», дополненный бесѣдой, надо употребить и для внушенія людямъ понятія о необходимости примѣненія къ мѣстности—растолковать имъ суть и настоящее значеніе этого дѣла. Практикуемое же обыкновенно (безъ предварительныхъ упражненій и поясненій) движеніе по буграмъ и впадинамъ мѣстности, подъ видомъ тактическаго обученія и практики въ примѣненіи къ мѣстности, не составляетъ надежнаго педагогическаго приѣма. Дѣло надо начать какъ разъ съ другаго конца.

Припомнимъ, что такое «примѣненіе къ мѣстности» (понятое въ тѣсномъ смыслѣ), чѣмъ оно вызывается и въ чемъ именно состоитъ? Суть его состоитъ въ пользованіи мѣстностью для укрытія отъ выстрѣловъ противника. Слѣдовательно, главное значеніе пріобрѣтаетъ полетъ вражеской пули. Отъ него же и надо начинать и изъ него слѣдуетъ развивать обученіе примѣненію къ мѣстности, а именно посредствомъ показной стрѣлбы.

Дѣйствительно, непріятельскіе выстрѣлы, его пули и есть настоящая причина дѣла. Примѣненіе же къ мѣстности только послѣдствіе этой причины. Не уразумѣвъ причины, никакъ нельзя понять послѣдствій. Засимъ неудивительно, что дѣло обученія идетъ туго, коль скоро начинаютъ съ послѣдствій (примѣненія къ мѣстности), не связавъ его съ причиной, т. е. не показавъ свойствъ и послѣдствій полета пули. Вотъ эту-то причину примѣненія къ мѣстности слѣдуетъ, какъ уже сказано, разъяснить показной стрѣлбой.

Не ограничиваясь голословнымъ только намекомъ, постараемся указать способъ примѣненія показной стрѣлбы въ этомъ смыслѣ,

хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, отнюдь не отрицая, что можно найти и иной, болѣе совершенный.

Поставимъ одну или болѣе обыкновенныхъ мишеней, изображающихъ фигуру во весь ростъ, и сдѣлаемъ по ней определенное количество выстрѣловъ. Получится извѣстное число поражений. Замѣнимъ эти мишени поясными, произведемъ тѣми же стрѣлками тоже количество выстрѣловъ, съ того же разстоянія; получится, конечно, число попаданій меньшее противъ прежняго. Отсюда очевидный выводъ, что солдатъ лежа, или частью укрытый, болѣе безопасенъ, нежели стоя открыто.

Если тѣ же поясныя мишени поставимъ по гребню возвышенности, спустивъ нѣсколько за гребень, или если ихъ маскируетъ кустарникъ, то получится розное все меньшее число поражений. Результатъ этотъ выяснитъ извѣстныя свойства мѣстности и укажетъ способы пользованія ею.

Затѣмъ, если мишени во весь ростъ спустить совсѣмъ за бугоръ или опустить въ углубленіе, то онѣ окажутся невредимы. Наконецъ, для вящаго во-дѣлю показу можно, пожалуй, при необходимыхъ предосторожностяхъ, на мѣсто совершенно укрытыхъ за бугромъ или въ впадинѣ мишеней поставить самихъ обучаемыхъ и пустить нѣсколько пуль надъ ними¹⁾.

Подразумѣвается тутъ стрѣлба ближняя, но показъ можно бы распространить и на стрѣлбу дальнюю, указавъ, между прочимъ, что при извѣстной дальности, обуславливающей наклонъ пули къ землѣ, лежащая мишень несвободна отъ поражений, и что склоны мѣстности прикрываютъ вдаль менѣе, нежели вблизи.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что подготовленные такимъ способомъ люди безъ труда поймутъ, а засимъ и легче усвоятъ себѣ понятіе объ условіяхъ толковаго примѣненія къ мѣстности, въ смыслѣ собственно укрытія. Затѣмъ нужно пріучить ихъ независимо отъ укрытія понять и оцѣнить мѣстность, въ смыслѣ стрѣлковыхъ позицій, чѣмъ и положено будетъ надлежащее всему дѣлу основаніе. Въ сочетаніи двухъ условій возможно большаго укрытія отъ огня противника и искуснаго выбора стрѣлковыхъ позицій кроется вся суть пѣхотнаго, т. е. рѣшающаго, боя, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи.

¹⁾ Опасны тутъ, главнымъ образомъ, неправильнаго полета рикошеты, которые, въ свою очередь, тѣмъ въротивѣе, чѣмъ разстояніе дальше. Отсюда выводъ, что стрѣлбу поверхъ людей возможно производить преимущественно на близкихъ разстояніяхъ.

Разъ затронувъ этотъ вопросъ, нельзя не высказать, что для полноты дѣла недостаточно принять въ расчетъ одни лишь свойства полета и дѣйствія ружейной пули, но надо узнать и дѣйствія артиллерійскихъ снарядовъ. Последнее практически доступно только для офицеровъ, да и то немногихъ, несмотря на то, что теоретически это признаютъ весьма полезнымъ. Причина та, что артиллерійскіе полигоны далеко не всегда находятся по близости пунктовъ расположенія или сборовъ остальныхъ родовъ оружія.

Весьма желательно было бы доставить возможно большому числу пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ возможность видѣть нарочно для нихъ устроенную показную артиллерійскую стрѣльбу. Пока же, или кромѣ того, составить для нихъ какое-либо практическое, идущее прямо къ цѣли руководство для ознакомленія со свойствами стрѣльбы и способами дѣйствія артилеріи. Важно знать какъ то, такъ и другое.

Нечего доказывать необходимость знанія свойства полета и дѣйствія артиллерійскихъ снарядовъ, такъ какъ ими же опредѣляются надежные способы возможнаго предохраненія себя отъ губительнаго ихъ дѣйствія. Такъ, напримѣръ, пологія и мелкія ложбины, даже вполне скрывающія отъ взоровъ противника, отнюдь не прикрываютъ отъ его артиллерійскаго огня ¹⁾, если только артилерія знаетъ о присутствіи войскъ противника. Допустимъ, что любая пѣхотная или кавалерійская часть желаетъ занять предварительное расположеніе въ лоцинѣ, то ей для того, чтобы предохранить себя придется или втянуться въ лоцину незамѣтно или же, спустившись видимо противнику, подвинуться въ ней достаточно въ сторону.

Если же начальникъ этого не знаетъ или упуститъ, то онъ рискуетъ подвергнуть часть свою напраснымъ потерямъ и невыгодному засимъ нравственному впечатлѣнію, въ особенности, если артилерія, какъ это практикуется, заранѣе измѣрила разстоянія или пристрѣлялась по скрытымъ, доступнымъ противнику подходамъ.

Не менѣе важно знать привычки и способы дѣйствія артилеріи противника. Въмѣсто доказательства приведу примѣръ, о коемъ упоминаетъ пзвѣстный военный писатель принцъ Гогенлоэ.

Въ одномъ изъ сраженій въ Богеміи, въ 1866 г., принцъ (командуя, кажется, прусской гвардейской артиллерійской бригадой) выѣхалъ одинъ впередъ для отысканія позиціи для своей артилеріи, причемъ онъ нѣкоторое время оставался впереди пересѣкавшей ему

¹⁾ И отъ пѣхотнаго на болѣе дальнихъ дистанціяхъ.

путь дороги, обсаженной деревьями. Стоявшая передъ нимъ австрійская батарея скоро послала принцу нѣсколько гранатъ. Гогенлоэ догадался, что австрійцы пристрѣливаются, угадавъ въ немъ артиллерійскаго развѣдчика. Засимъ Гогенлоэ, развернувъ свою бригаду, провелъ ее за сказанную дорогу самымъ быстрымъ алюромъ и, миновавъ мѣсто, по которому австрійцы уже пристрѣлялись, снялся съ передковъ нѣсколько сотъ шаговъ ближе къ противнику. Австрійцы открывъ пальбу, согласно пристрѣлкѣ, нескоро замѣтили свою ошибку и допустили безпрепятственное снятіе артилеріи прусаковъ; такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ принцъ Гогенлоэ.

Возвратимся къ обученію нижнихъ чиновъ.

Понятно, что показная стрѣльба послужитъ, главнымъ образомъ, только для внушенія людямъ убѣжденія въ необходимости уразумѣть мѣстность и пользоваться ею. Само же уразумѣніе развивается другими упражненіями. Выше уже указанъ способъ приученія людей вглядываться въ условія мѣстности, заставляя ихъ подходить къ обучающему возможно скрытно. Къ этой же цѣли прямо или косвенно должны клониться и всѣ тактическія упражненія войскъ, въ особенности же основныя, о которыхъ и поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

К. Войде.

(Окончаніе будетъ).